

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ТЕОРИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА В МИРОВОМ И РОССИЙСКОМ ИЗМЕРЕНИЯХ

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО*

С.Г. Ильинская

Сектор истории политической философии
Институт философии Российской академии наук
ул. Волхонка, 14/1, стр. 5, Москва, Россия, 119991

Статья посвящена специфике гражданского общества в России, тем вызовам, в ответ на которые отечественное гражданское общество может оформиться в качестве реальной политической силы, а также перспективам теоретического переосмысления данного понятия применительно к нашему государству.

Ключевые слова: гражданское общество, общественные движения, государственная политика, бюрократия.

В политической науке к настоящему времени сформировались три традиции истолкования возникшего в раннесовременную эпоху понятия «гражданское общество».

В первой, ведущей свое происхождение от контрактивистских теорий, гражданское общество понимается буквально как «сообщество граждан», порождающее в конечном итоге государство (теории «общественного договора» Б. Спинозы, Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, И. Канта, А. Фергюсона и др.). Первично гражданское общество по отношению к государству и у К. Маркса [1. С. 21—37].

Вторая традиция наполняет понятие прямо противоположным содержанием, гражданское общество здесь — частная сфера, бюргерское сообщество, самоорганизующиеся элементы которого способны регулировать свою деятельность путем гражданской инициативы, самостоятельно, без государственного вмешательства, решать многие возникающие проблемы (ее придерживались А. де Токвиль, Дж. Ст. Милль и др.).

Третья трактовка возникла совсем недавно и неразрывно связана с процессами демократизации тоталитарных и авторитарных режимов, понятиям «граж-

* Работа выполнена в рамках Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы» 2009-2010 гг. (проект РНП.2.1.3/6045 «Гражданское общество: теория и современная практика в мировом и российском измерениях»).

данское общество» и «государство» в ней присущ определенный антагонизм [7. С. 36—48]. Выбор позиции определяет и структуру описываемого феномена.

При внимательном рассмотрении легко заметить, что третья трактовка, в которой гражданское общество аккумулирует активных борцов с тотальным государством, в пределе стремится к первому определению, ибо участники гражданского сопротивления стремятся к разрушению административно-командного монстра ради установления подлинно народной демократии участия.

Незавершенность процесса демократизации, а также то, что гражданское общество в России и сегодня существует в отрыве от собственности и публичной сферы [6. С. 136—145], существенно затрудняет анализ понятия применительно к нашей стране.

В российском случае ситуация усложняется еще и тем, что частная собственность отсутствовала у нас на протяжении длительного исторического периода, а «государство» и «гражданское общество» являлись не взаимодействующими множествами. Вот почему различные авторы относят с определенными натяжками к гражданскому обществу и советского цеховика-теневика (как «борца с системой»), и российского этнопредпринимателя романтической демократизации начала 1990-х (не принимая во внимание неполное тождество понятий «этнос» и «демос»).

В новейшей российской истории гражданское общество, к сожалению, имеет только одну традицию — как борец с государственным монстром. Оно выступало и выступает только в этом, неконструктивном качестве. Всесилие российской бюрократии только подогревает антигосударственническую направленность всевозможных правозащитных организаций, которые являются филиалами международных правозащитных организаций или напрямую финансируются западными правозащитными фондами и нередко используются теми в своих целях (Московская Хельсинкская группа, Международная амнистия, Правозащитный центр «Мемориал», Международная правозащитная ассамблея и мн. др.).

Сегодня проблемой появления в России эффективного гражданского общества озабочена даже российская власть, которая устами первых лиц государства делает громкие заявления о необходимости формирования гражданского общества в России, старательно ликвидируя при этом любые ростки самопроизвольно возникающей гражданской инициативы. Предпринимаются и конкретные усилия по тому, чтобы контролируемые властью институты проявления низовой гражданской активности были сформированы, например, на базе органов местного самоуправления [2. С. 113—119].

Одна из важнейших задач, которая в этой связи стоит перед отечественной политической теорией — переосмысление понятия «гражданское общество» применительно к российской действительности, поскольку простое заимствование ее либерального содержания навсегда погружает нашу страну в «бездну авторитаризма»: по западным меркам мы навсегда обречены оставаться негражданскими и недемократическими. Этот процесс уже начался, например, на страницах портала «Центр политической философии».

Аналогичная работа по переосмыслению классических понятий политической теории проводилась в свое время в странах вторичной (отраженной) модернизации [13]. Осуществляется она и в сегодняшней России. В противовес тезису об извечной российской авторитарности выходят монографии [4] и защищаются диссертации [9], в которых бережно вычлняются те моменты российской истории, когда протогражданские тенденции имели реальный политический вес.

В Институте философии РАН и созданном на его базе факультете политологии Государственного академического университета гуманитарных наук в последние годы был реализован ряд проектов по осмыслению и переосмыслению ряда основополагающих категорий политической науки: «Философско-методологические подходы к категориям политической науки», «Проблема политического суверенитета: история проблемы и современность», «Демократия: универсальные ценности и многообразие исторического опыта», «Проблемы гражданства и идентичности», «Бюрократия в современном мире: теория и жизненные реалии», результатом которых стал, в том числе, анализ тех сложностей, с которыми столкнулось укоренение демократического способа легитимации власти на российской почве.

Общеизвестно, что еще М. Вебер выделил харизматический, традиционный и рационально-легальный типы господства. Демократический способ легитимации политической власти, ее подотчетность, должны, по мысли Вебера, предохранять от всевластия современной рационально-легальной бюрократии. Применительно к Китаю и России Вебером был описан патримониальный тип бюрократии, который вообще-то был свойственен на определенных этапах развития многим обществам, но в этих — укрепился и задержался.

Основу власти патримониальной бюрократии образует присвоение чиновниками должностей и связанных с ними привилегий и экономических преимуществ. Строгость и необязательность исполнения российских законов играют значительную роль в общей спаянности системы, основанной на постоянном нарушении законов и способной произвольно показать отступника.

На особый тип российской власти обращали внимание многие авторы, в том числе Ричард Пайпс, который считал, что вотчинный тип власти сохранялся и в СССР, а, например, Пиама Гайденок и Юрий Давыдов говорили о новом советском типе — тоталитарной бюрократии. Сегодня Михаил Афанасьев в своих монографиях говорит о клиентарной бюрократии, расширяя границы явления за пределы российской почвы, рассматривая его в мировом масштабе. Немало исследований подтверждают тот факт, что мы в этом вопросе не одиноки даже на европейской части постсоветского пространства [15. С. 41—55].

Действительно, для российского чиновничества характерно сохранение и воспроизводство кланово-корпоративных, патрон-клиентских отношений, в частности: произвольное назначение по принципу личной преданности, а не ради служения долгу, которое в итоге приводит к вырождению власти в привилегию, в апроприацию должности, когда обязанности чиновника выполняются лишь в расчете на вознаграждение. Личностный, а не формально-правовой характер взаимоотношений пронизывает всю систему, начиная от взаимоотношений между главой го-

сударства и высшими чиновниками и заканчивая любым министерством, агентством, ведомством.

На самом деле побороть чиновничий произвол не такая сложная проблема: выровнять уровень доходов в частном и государственном секторах, устранить произвол в назначениях (сегодня аттестационные комиссии полностью подконтрольны руководителям, которые комплектуют службы лично лояльными людьми, а доходы чиновника состоят из микроскопического оклада и множества надбавок, которых он может быть лишен по решению руководства), закрепить предсказуемость чиновничьей карьеры (когда госслужащий точно знает, что, проработав определенное количество лет без взысканий, он поднимется на следующую ступеньку карьерной лестницы), ужесточить санкции за злоупотребления. Но это означает — посягнуть на систему, которая комплектуется и функционирует именно таким, патрон-клиентским способом.

Практика показывает, что во многих странах «бизнес-политики», придя во власть коррупционным путем, вставали на путь реформ, чтобы предотвратить использование против себя тех же методов, которыми прежде не брезговали сами. В Италии 1990-х годов этому способствовал, в частности, широкий общественный протест [14].

В России аналогичному развитию событий мешает тот факт, что ограничитель, придуманный Вебером, у нас не работает: для того чтобы быть легитимной, российская бюрократия не нуждается в подотчетном политике, избираемом путем плебисцита. Напротив, политик получает свою легитимность благодаря патримониально-бюрократическому, а не демократическому способу легитимации. Это потом ему «подращивают харизму» с помощью политических технологий.

Видимо, для того, чтобы стать устойчивым, любой способ легитимации власти, в том числе и демократический, должен стать «традиционным». На ранних этапах становления сословной демократии, клановой или бюрократической автократии и т.п. опора на харизму является необходимым дополнением для нового типа легитимации.

Потом, когда новый способ становится «традиционным», а политическая система — стабильной, харизма ликвидируется за ненадобностью. В СССР последним харизматиком был Хрущев, которому пришлось развенчать культ «вождя народов» для обоснования легитимности решения о собственном избрании, принятого Политбюро ЦК КПСС.

Однако в условиях постсовременности (сжатия пространства и времени) новый тип режима не имеет времени на то, чтобы новый способ легитимации власти утвердился и, радикально нуждаясь в устойчивости, реанимирует прежде присущие способы легитимации.

Так, например, в условиях тяжелейшего кризиса власти в азербайджанском обществе становится востребованной харизма Алиева-отца, ему наследует сын уже в силу традиции: «так было всегда» — клан Алиевых находился у власти на протяжении длительного временного периода.

Наш главный тезис заключается в том, что демократической форме легитимации в России не дали стать «традиционной». Для того чтобы это произошло, на-

до было пережить несколько смен власти (а это создавало риск передела собственности вплоть до пересмотра итогов приватизации).

Что же произошло? Произошел, напротив, возврат к патримониально-бюрократическому способу легитимации, устоявшемуся в СССР. А провозглашенная борьба с коррумпированным чиновничеством еще больше подкрепляет мандат доверия к политической власти, увеличивая объем полномочий для борьбы с явлением, являющимся неотъемлемой частью системы, укрепляет авторитарные тенденции, уменьшает подотчетность. Избирательные процедуры в данном случае предназначены лишь для внешнего потребителя: это необходимое зло, с которым приходится смириться.

Фактически единственными демократическими выборами в нашей стране, если говорить о президентском уровне, были первые президентские выборы — Ельцина. Его же переизбрание на второй срок сопровождалось мощным применением административного ресурса. Затем появился институт преемника, которому присуща обратная закономерность: человек назначается на высокий государственный пост, затем его рейтинги поднимают, используя всю мощь государственной пропагандистской машины. Опять же, отсутствие реальной политической конкуренции влечет за собой необходимость не просто победы на выборах, а победы с подавляющим большинством голосов. Как следствие — дальнейшее укрепление институтов управляемой демократии, или электорального авторитаризма, в том числе пресловутого административного ресурса. Мини-модель, на которой такие технологии были опробованы — российские регионы в 1990-е гг.

«Недемократическая консолидация российской власти» [3. С. 7—18] отчасти объясняется полученным негативным опытом. Демократизация российских регионов, раздача суверенитетов по принципу «кто сколько сможет проглотить» в свое время привела к чудовищному произволу. На уровне республик мы получили этнократии, вырождение региональных демократических движений в националистические, режимы региональных баронов, которые федеральная власть была вынуждена «обуздывать», укрепляя авторитарные тенденции.

С одной стороны, политика укрепления «вертикали власти», покусившаяся на республиканские административные полномочия, по-видимому, противоречила демократии и федерализму. Хотя этот процесс должен был привести — и отчасти привел — к равной реализации всеми российскими гражданами (безотносительно их этнической принадлежности) либеральных прав и свобод.

Правда, реформаторский импульс быстро угас. Стабильность и предсказуемость сложившихся региональных режимов значили для федеральных властей гораздо больше, чем формальные нарушения прав человека и демократических процедур, финансовые злоупотребления, коррупция и проч. При выборе «из двух зол»: 1) поставить институты «управляемой демократии», укрепившиеся к 2000 г. в России на уровне регионов, на службу федеральной власти или 2) пережить демократическую смену «наместников», а с нею и передел собственности, — победа осталась за первой альтернативой. Главная причина такого развития событий кроется в том, что институты собственности для того, чтобы закрепиться, нуждались в стабильности режима в целом на общефедеральном уровне.

Важный фактор, препятствующий укоренению демократической легитимации власти в России — позитивизм в правоведении, правоприменительной практике и обыденном мышлении. Естественно-правовая традиция у нас как бы отсутствует. И хотя советские юристы протестовали против юридического позитивизма, их подход к праву, по сути, оставался позитивистским. Принцип: «Запрещено все, что не предписано», бытующий в России и сегодня, ведет к разбуханию законодательных актов, но не решает проблемы.

Вызовы современности ставят перед российской политической системой две противоположные задачи: устойчивости и динамичности. Устойчивости требуют интересы самосохранения, динамичности — вызовы глобализации.

Одним из таких вызовов является дефицит суверенитета признания: когда законными считаются только те режимы, которые отвечают неким критериям демократичности. А реализация интересов устойчивости нашей политической системы с неотвратимостью приводит к тому, что для западного мира мы в ближайшей перспективе так и останемся недостаточно демократичными. И тот факт, что во всем мире сегодня происходит сворачивание демократии, ничего не меняет.

Что делать в этой ситуации? Нелепо было бы пытаться построить подлинную демократию по западным стандартам. У нас нет времени пройти в короткие сроки тот путь, который Запад проходил в течение столетий: пережить, например, эпоху первоначального накопления капитала, «дикий» капитализм и проч. издержки становления. Тем более что переживать это придется в мире, где утвердились определенные стандарты прав человека, в том числе и социальных прав. Ошибкой было бы пытаться догнать западные стандарты, в то время как сам Запад радикально меняется и давно уже далек от тех идеалов демократии, которые он декларирует [12]. Мы уже предприняли такую попытку во время шоковой терапии 1990-х гг., и данный опыт, кстати, отрицательно повлиял на утверждение демократического типа легитимации власти, вообще на восприятие демократии как ценности.

Поэтому нам остается предложить миру свой, альтернативный вариант развития. Причем сделать это силами гражданского общества (вначале — силами интеллектуального сообщества), которое в истории политической мысли всегда формировалось в ответ на какие-либо вызовы (защита собственности, свободы и т.п.). Силами государства Россия уже пыталась предлагать альтернативный проект в веке XX-м. Преуспела или нет — вопрос спорный, поскольку западный вариант общества благосостояния — во многом и наша заслуга. Кто знает, не будь альтернативного варианта общественной системы, стал ли бы западный капитализм столь уступчив к требованиям профсоюзов и социал-демократических сил.

Опыт XX века доказал, что реализация такого проекта (проекта «общества цели») на государственном уровне неизбежно приводит к усилению авторитарных, тоталитарных тенденций. Именно поэтому предлагать иной вариант развития нужно с опорой на гражданское общество, менять сознание, используя Интернет, сетевые каналы взаимодействия и проч.

Предлагать альтернативный вариант развития нам нужно в тех условиях, когда «старые» идеологии (либерализм, консерватизм, социализм с коммунизмом)

стремительно утрачивают свой мобилизационный ресурс. И не случайно российские партии настолько деидеологизированы.

В какой-то степени потенциал мобилизации сохраняется у национализма как политической идеологии. Подлинную же актуальность приобретают совершенно другие проекты: исламский фундаментализм, как одна из форм протеста против западной рациональности, из позитивных — альтерглобализм, включая различные экодвижения.

В глобальном обществе, где риск непредсказуем, нелокализуем, где он наступает незаслуженно даже тех, кто ведет самый благоразумный образ жизни, нам нужно сформировать свою повестку дня. И вполне возможно — даже не автохтонный капитализм, а собственную модель общественного развития. Это, кстати сказать, может быть экопроект или некий экуменистский проект, включающий в себя проект альтернативного ислама.

Недавно, анализируя категорию политического в интерпретации фрейдомарксиста Герберта Маркузе, я пришла к выводу, что предложенный им вариант «политического отказа» удалось реализовать на государственном уровне Египту, который после череды военных поражений в арабо-израильских войнах отказался от модели «общества к войне» и выстроил собственную модель гармоничного развития с опорой на «эротически-сбалансированную» индустрию туризма [5. С. 93—113].

Одним из подтверждений того, что искать нужно именно в этом направлении, для меня является тот факт, что нарождающееся российское гражданское общество просматривается именно в лоне ислама и экологических общественных движений. На Северном Кавказе гражданское сопротивление местной коррумпированной власти и произволу со стороны федеральных спецслужб часто осуществляется под исламскими лозунгами. Противодействовать данной тенденции, опять-таки с опорой на религию и традиционные ценности, пытается, например, Р. Кадыров, буквально по осколкам собирая чеченское общество.

«Нецивильное» российское гражданское общество сегодня имеет в своем багаже реальную победу в диалоге с российской властью, добившись перенесения трубопровода на 40 км севернее Байкала, за пределами водозаборной зоны.

Проблемы экологии, проблемы терроризма — серьезные вызовы, затрагивающие базисные человеческие ценности. В ответ на них может (и должно!) сформироваться российское гражданское общество. Причина проста: любое увеличение стандартов потребления становится неактуальным, если страдает качество жизни, под вопрос ставится само ее продолжение: сегодня доля условно здоровых детей — лишь треть от общего их количества, а среди подростков 14—17 лет уже 70% страдает хронической патологией [8. С. 109]. Кстати сказать, любой экопроект будет иметь огромный негативный мобилизационный потенциал «против США», не желающих ограничивать потребление, присоединяться к Киотскому протоколу, и способен принести нам союзников по всему миру.

Менять сознание — это огромная работа, взять которую на себя вполне могут общественные силы. Пока же власть и гражданское общество только кивают друг на друга, не в силах решить даже элементарные вопросы сортировки и эко-

логической утилизации бытовых отходов. Этому процессу косвенно будет способствовать отрезанность гражданских сил от реальных рычагов политической власти: обращение к проблемам экологической безопасности в России пока не приносит политических дивидендов. В качестве примера приведем «Яблоко», которое активно боролось против строительства мусоросжигательных заводов в Москве [11. С. 7—8]. Неудача упомянутой политической силы на выборах в Мосгордуму в октябре 2009 г. многими аналитиками объясняется тем, что лидер партии, сделавший политический капитал в качестве оппозиционного политика, в своих заявлениях накануне выборов публично продемонстрировал лояльность московскому мэру.

Власть, и особенно власть российская, устроена так, что подминает под себя все, что не оказывает должного сопротивления [10. С. 16—33]. Борис Капустин на сайте центра политической философии напоминает нам хрестоматийное определение Э. Геллнера: «Гражданское общество — это набор разнообразных неправительственных институтов, достаточно сильных для того, чтобы быть противовесом государству и, не препятствуя ему исполнять роль стража мира и арбитра между основными группами интересов, не позволять ему доминировать над «остальным обществом» и атомизировать его» [16]. Главное, чего недостает сегодня российскому гражданскому обществу — это реальной политической силы. И до тех пор, пока оно эту реальную силу не обретет, российское государство будет продолжать оставаться глухим к любым сигналам со стороны общества.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Баллаев А.Б.* «Bürgergesellschaft» и сфера политического в философии Маркса // Политико-философский ежегодник. — М.: ИФ РАН, 2008. — Вып. 1.
- [2] *Большаков С.* Потенциал местного самоуправления и формирование институтов гражданского общества. Опыт Новгородской области // Государственная служба. — 2003. — № 6 (26).
- [3] *Гельман В.Я.* Эволюция электоральной политики в России: на пути к недемократической консолидации? // Вестник Института Кеннана в России. — М., 2008. — Вып. 13.
- [4] *Глинчикова А.* Раскол или срыв «русской Реформации»? — М.: Культурная революция, 2008.
- [5] *Ильинская С.Г.* Политическое как эротическое: «Великий Отказ» Герберта Маркузе // Политическое как проблема. Очерки политической философии XX века. — М.: Идея-Пресс, 2009.
- [6] *Козлов Д.В.* «Нецивильное» гражданское общество, или о том, как поссорились защитники Байкала с «Транснефтью» // Полис. — 2007. — № 4.
- [7] *Козн Д.Л., Арато Э.* Гражданское общество и политическая теория. — М.: Весь мир, 2003.
- [8] *Кравчук Н.* Положение детей / Права человека в регионах Российской Федерации. — М.: Московская Хельсинкская группа, 2003.
- [9] *Летняков Д.Э.* Российская традиция общественно-политического участия (XI — начало XX вв.): Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. — М., 2009.
- [10] *Мусихин Г.И.* Власть как ценностно-инструментальный код социального взаимодействия / Политическая теория, язык и идеология. — М.: РОССПЭН, 2008.
- [11] *Мусоросжигательные заводы поставят вне закона* // Информационно-политический бюллетень РОДП «Яблоко». — 2009. — № 3 (70), апрель-май.

- [12] *Паренти М.* Демократия для немногих. — М.: Прогресс, 1990.
- [13] *Патнэм Р.* Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. — М.: Ad Marginem, 1996.
- [14] *Порта Д.* Действующие лица коррупции: бизнес-политики в Италии // Международный журнал общественных наук, ЮНЕСКО. — 1996. — № 149 (сентябрь).
- [15] *Пролеев С., Шамрай В.* Феномен кланово-корпоративного общества // Постсоветская публичность: Беларусь, Украина. — Вильнюс: Европейский гуманитарный университет, 2008.
- [16] *Капустин Б.Г.* Что такое «гражданское общество»? 18 февраля 2009 года // <http://www.politphilosophy.ru/m/275>

CIVIL SOCIETY AND MODERN RUSSIAN STATE

S.G. Il'inskaya

The Sector of History of Political Philosophy
Institute of Philosophy of Russian Academy of Science
Volkhonka str., 14/1, Moscow, Russia, 119991

The article is devoted to the analysis of specificity of civil society in Russia. The author considers the challenges that it faces, and presumes that the adequate response to them can be found in shaping of Russians civil society as a real political power. The author also estimates the prospects of theoretical reconsideration of the notion of civil society with regard to Russia.

Key words: civil society, public movements, state policy, bureaucracy.